Министерство образования и науки РФ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций

Кафедра религиоведения

Направление подготовки: 48.03.01 – теология

Профиль: Церковно-государственные отношения

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

(бакалаврская работа)

РОЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА И НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Работа завершена

«26» мая 2018 г. _____ Чилигина Я.А.

Научный руководитель

к.и.н., доцент

«26» мая 2018 г. _____ Бухараев Я.В.

Заведующая кафедрой религиоведения

д. филос. н., доцент

«26» мая 2018 г. _____ Астахова Л.С.

Казань – 2018

Содержание

Введение……...3

Раздел I. Христианство в правовом контексте и его роль в развитии отечественного права……. 7

Раздел II. Церковное (каноническое) право в правовой системе Российского государства…….26

Раздел III. Право и православие как ценностно-нормативные системы……40

Заключение…….62

Библиография…….……64

Введение

Церковь, в настоящее время, находится в процессе возрождения: открываются и реставрируются храмы, появляется все больше православных учебных заведений, а так же выпускается большой объем православной литературы. Значительная часть общества начинает воспринимать православие не только как духовно-личностный ориентир, но так же как ориентир общественно-политической и правовой жизни государства. В результате этого актуализируется изучение исторического опыта принятия христианства, его влияние на различные отечественные сферы жизни, а в частности на формирование законодательства, права и ценностно-нормативной системы, укоренившейся в обществе.

Актуальность темы исследования состоит в том, что перемены, которые произошли в России за несколько последних десятилетий, заметно изменили как идеологическую, так и общественно-политическую обстановку, обусловив, тем самым, тенденции к возвращению духовных традиций и основ, которые исторически во многом были определены именно православием.

Христианство византийского образца было неотъемлемой частью в формировании отечественной государственности, ведь православная церковь освящала институты власти и права, а государство, в свою очередь, всегда стояло на охране христианской веры. Синтезирующиеся каноническое и светское законодательства приравнивали противоправное к греховному, из чего следует, что на протяжении практически всей истории российского государства религия была одним из важнейших факторов, который влиял на политическую и правовую сферы общества. Необходимость в полном объеме изучить религиозный фактор, в особенности провести правовой анализ его регулятивного потенциала, особенно в той сфере, которая имеет неотъемлемое отношение к области действия права, вытекает из его особой роли.

Российская правовая система двадцатого века во много основывалась на процессе секуляризации, в последствии чего право и религия были дистанцированы друг от друга. Однако оба этих явления и в наше время неотъемлемо связаны. Главным проявлением их взаимосвязи предстает сфера социального регулирования.

В области общественных отношений именно религия и право можно выделить, как наиболее значимые регуляторы общественных отношений. Право, с точки зрения юриспруденции, является обладателем приоритета в сфере социального регулирования, ведь благодаря обязательности, формальной определенности и защите государства именно право в силах добиться обеспечения нормального функционирования общества, которое представляет собой многообразный социальный организм. И все же, эффективное регулирование со стороны права находится в зависимости от взаимодействия с другими, не обусловленными юридически, системами регулирования, включая религию.

Православие влияло не только на мировоззрение, но так же и образ жизни большинства людей, моделируя согласно своему учению человеческое поведение во многих областях. Христианская религия включает многочисленные оценки поведения, которое рассматривается с позиции закона как должное и запрещаемое, пересекаясь, таким образом, со сферой правового регулирования. А потому следует изучить влияние православия на становление и формирование отечественного права.

Взаимоотношение права и религии зачастую неоднозначны и по характеру противоречивы. Необходимость разрешить данные противоречия предусматривает стремление к изучению право и православия комплексно, как наиболее важных социальных регуляторов, которые активно взаимодействуют, влияя на отношения общества в большинстве сфер человеческой деятельности.

Избранная тематика предстает значимой и актуальной в силу существования необходимости установить наиболее оптимальное взаимодействие норм религии и права.

Степень разработанности проблемы. Вопрос о корреляции права и христианства получил свое освещение в трудах: Вышеславцева Б.П., Ильина И.А., Соловьева В.С., Трубецкого Е.Н. и др.

Исторический же аспект роли христианства на формирование отечественного права был рассмотрен Карамзиным Н.М., Ключевским В.О, а позднее Зиминым А.А., Карташевым А. В., Громовым Ф.Д. и Свердловым М.Б.

Значительная роль в рассмотрении воздействия религии как регулятора общественных отношений отводится социологическим исследователям - М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса.

Объект и предмет исследования. Объект данного исследования представляет собой вся общность как религиозных, так и социально правовых отношений, которые возникают в сфере соотношения права и христианства в процессе формирования и становления российского законодательства.

Предметом исследования являются теоретические основы соотношения и взаимовлияния права и православия в процессе развития отечественного законодательства, исторические правовые памятники, а так же источники, которые являлись для них основополагающими.

Цель выпускной квалификационной работы заключается в анализе становления отечественного права и ценностно-нормативной системы, а так же влияния, которое оказало на этот процесс православное христианство.

Из названной цели можно выделить следующие задачи.

– рассмотреть положения христианства в правовом контексте, а так же изучить феномен канонического права;

– основываясь на анализе отечественного законодательства представить роль христианства в формировании и развитии российского права;

- раскрыть нормативный характер религиозного воздействия на общественные отношения;

- рассмотреть процесс и характер взаимодействия и взаимовлияния права и православия;

Научная новизна выпускной квалификационной работы заключается в том, что было проведено детальное исследование роли православия в становлении и формировании отечественного законодательства. Анализируя обширную нормативно-правовую базу Российского государства с X по XX вв, можно проследить роль и место православия в системе регулирования общества.

В ходе работы предпринимается попытка комплексно исследовать с историко-правовой точки зрения процесс и содержание взаимодействия религии и права в ходе регулирования общества на уровне их нормативных установлений.

Раздел I. Христианство в правовом контексте и его роль в развитии отечественного права

Религиозные и правовые начала в христианстве яснее всео раскрываются в Ветхом и Новом Завете. Являясь основой вероучения христиан, Библия вмещает в себя как нравственные наставления, как и постулаты законодательства. Именно изучение ее текстов, сопоставляя их с положениями законов, поможет лучше рассмотреть роль христианства в законодательстве и их совместный синтез.

Анализируя текст Ветхого Завета, становится ясно, что религиозные правила предстают в своеобразной законодательной форме. Данные Моисею законы подлежали неукоснительному соблюдению для поддержания справедливости «если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете моим уделом из всех народов» (Исход, с.72). Именно этот момент становится основополагающим для появления закона как такового, который обладает высшей юридической силой и должен соблюдаться всеми членами общества. Давая обет Богу, народ приносит клятву в соблюдении его законов.

Десять заповедей представляли собой правила, которые лежали в основе мирного сосуществования людей в обществе. Однако, законы Ветхого Завета, помимо основных заповедей, включают в себя и правила, регламентирующие все сферы человеческой жизни.

Наиболее четко в Ветхом Завете отражается начало уголовно-правовых норм. Правонарушения, касающиеся причинения вреда здоровью и жизни, предполагают разделение на умышленные и неумышленные (что означает наличие намерения).

Так же, помимо уголовно-правовых, в Ветхом Завете имеют место быть семейно-правовые и гражданско-правовые нормы, направленные на регулирование имущественных и личных отношений.

Законы Моисея, имеющие силу в довольно широком спектре вопросов, действовали до тех пор, пока Иудея не оказалась во власти Римской Империи, что повлекло за собой запрет на проведение суда и прочих юридически важных действий согласно вышеуказанным нормам.

Религиозно-правовые отношения претерпевают определенные изменения с появлением христианского учения. Между религией и правом появляется определенная дистанция: с одной стороны, религия и право дистанцируются «Закон и пророки до Иоанна - отныне Царствие Божие возвещается» (Лк. 16:16). Однако - «Не думайте, что Я пришел нарушать закон или пророков, не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5,27). Но это не значит, что данный ранее закон более не имеет силы, предполагается лишь появление определенных изменений, соответствующих исполнению предыдущего завета.

Так же отношение христиан к государственной власти представляет интерес с юридической точки зрения: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божию Богу» (Мф.22,21). В Посланиях Апостолов об этом говорится более подробно, Апостол Павел учит, что нет власти, которая не была бы установлена Богом, а значит, что любой, кто противится ей, будет осужден. Согласно этому, повиновение власти должно исходить не из страха, а из совести.

Учение о браке так же имеет место быть в Евангелие: «По сему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотию, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает... Кто разведется с женой своею не за прелюбодеяние

и женится на другой, тот прелюбодействует, и женившийся на разведенной прелюбодействует» (Мф. 19,5-6).

Со временем появляется такое явления как каноническое право, в котором проявляется правовое начало религии христиан.

Учитывая то, что организованной власти как таковой церковь не имела на протяжении примерно первых трех веков своего существования, при этом живя в пределах римской империи, руководствоваться приходилось непосредственно Священным Писанием.

В дальнейшем нормотворчество обуславливается уже тем фактом, что формируется и получает свое развитие такой союз общества, который объединяет последователей христианства и носит название «церковь».

Одной из главных целей для формировавшегося церковного союза становится поддержание устойчивости и целостности института церкви. Религиозная деятельность нуждалась в определенной нормативной регламентации, что являлось важным аспектом данного процесса: «Нельзя представить отношения христианина, как частного лица, и Церкви, зиждущимися только и исключительно на принципе индивидуальной свободы совести, хотя церковь действительно проповедует и защищает этот принцип»[1]. В свои ряды Церковь не втягивает насильственно, однако тот, кто сознательно решил стать ее членом, обязан следовать требованиям, предъявляемым ему.

Следует отметить, что регулирование деятельности, отношений власти, мер по достижению задач, стоящих перед церковью, нуждается в порядке и праве. Как говорил Суворов: «Если религия, как общение или связь человека с Богом, не имеет юридического характера, то, напротив, соединение людей с людьми, как общество, созданное силою объективной религии и как внешнее учреждение для распространения и насаждения этой

[1] Суворов Н. Учебник церковного права. Ярославль, 1898. С. 161.

религии, не может стоять вне области права».[1] Именно это в последствии предопределило появление канонического (церковного) права.

Из рассмотренного следует вывод, что в ведомстве юридического нормирования находятся как внутрицерковные отношения, так и внешние, возникшие из взаимодействий церкви как общественного института с прочими группами и отдельными лицами.

Определенное внимание нужно уделить самому термину канонического права, так же известному как церковное. Вопрос о тождестве этих понятий так и не имеет однозначного решения.

В юридической литературе запада церковное и каноническое право являются различными понятиями. Каноническое право представляет собой право, которое было создано во времена Вселенских Соборов и имело только церковное происхождение, касаясь как гражданских, так и церковных дел. Церковное право напротив может быть создано как церковной, так и светской властью, однако касается исключительно церкви.

Иного мнения придерживается А.С. Павлов, который считает, что церковное и каноническое право тождественно между собой: «Православный, и, в частности русский канонист может безразлично давать своему предмету и то, и другое название».[2]

Под регламентацию канонического права попадают внутрецерковные и межрелигиозные отношения. Все существенные стороны жизни и деятельности церкви и ее членов охватываются его содержанием. В каноническом праве правовые и религиозные нормы имеют между собой тесную связь.

Правовые заповеди Христа и изданные его учениками постановления, которые содержатся в Священном Писании и Предании, объединяются в

---

[1] Суворов Н. Учебник церковного права. Ярославль, 1898. С. 178.
[2] Павлов А.С. Курс церковного права. М., 1902. С. 241

Божественное право, чьи нормы нельзя считать кодексом, определяющим порядок жизни церкви, однако именно они являются основой и главным критерием законодательства самой Церкви.

Появившиеся в первые века распространения христианства определенные нормы (каноны), имеют особую значимость в церковном праве. Слово «канон» означает «правило, образец». На языке Нового Завета его употребление имеет значение «правила» жизни христиан. Сущность канонов заключена сугубо в догматике и сконцентрирована на ее постулатах. Именно из системы канонов складывается каноническое право.

Однако, помимо церковного законодательства, источником права предстает законодательство государства, так как в области внешнего церковного права государственная воля является суверенной. Что еще раз подчеркивает необходимость комплексного изучения права и православной религии.

Таким образом, роль христианства в формировании законодательства невозможно отрицать, право и религия переплетаются между собой, а потому следует рассмотреть то, как православная религия повлияла на становление и развитие отечественного права.

В России православие имело неразрывную связь с правом в течении многих веков. В истории много свидетельств непосредственной роли христианства на развитие и формирование законодательства, а так же отражения многих православных установлений в правовых текстах нашего государства.

Чтобы лучше разобраться в этом вопросе следует рассмотреть некоторые моменты христианизации Древней Руси.

Выбор православной религии и крещение Руси в 988 году – одно из важнейших событий в истории нашей страны. Князь Владимир, выбирая

веру, в первую очередь руководствовался политическими и культурными нуждами формирующегося государства с политическим центром в Киеве.

Княжеская власть осознает, что язычество, как централизованная религия, уже не отвечает поставленным требованиям. В сформировавшихся условиях политеизм старой религии не мог играть роль объединяющего фактора и регулировать общество государства, которое имело острую необходимость в идеологическом и религиозном единстве. Общегосударственная религия должна была служить государственной власти в качестве идеологической основы, скрепляющей тем самым страну в единый организм. Для этой роли лучше всего подходила космополитическая направленность христианской религии.

Выбор одной из мировых религий был обусловлен так же и международным положением Древней Руси, так как она все еще оставалась для Европы варварской страной, теряя тем самым политический статус.

Таким образом, становление христианства государственной религией было обусловлено совокупностью внешнего влияния и внутренней потребности Древней Руси. Однако имеет место быть и несколько других причин для выбора именно православного направления христианства, которое сконструировало вектор дальнейшего развития взаимодействия религии и права, а так же отношений государства и церкви.

На тот момент христианство уже представляло собой две религиозные традиции, подразделяясь на западную и восточную, основные различия которых заключались в вероисповедании. Официальный раскол на православие и католицизм произойдет только в 1054 году, однако начало формирования основных направлений христианства началось еще в V веке. Оба центра в Риме и Константинополе были заинтересованы в вовлечении в свои ряды Древнерусского государства, а потому перед Князем Владимиром

предстал выбор осуществить христианизацию с ориентировкой на Рим или же на Византию.

Различия между православием и католицизмом представляют собой не только расхождение в вероисповедании, так как богослужения Римской церкви производилось только на латыни, в то время как Константинополь допускал и использование других языков. Так же, как говорил Н.С. Гордиенко, различия существовали и в аспекте взаимоотношений государства и церкви.[1] Глава католической церкви в лице Римского Папы стремился утвердить как религиозное господство, так и политическую власть над христианскими государствами. Из этого следует, что принятие западной традиции предполагало прямую зависимость от Рима, что совершенно не отвечало интересам и целям Древнерусского князя.

При посредстве Константинополя все складывалось совершенно по другому, ведь по решениям Второго Никейского Собора, церковь лишь укрепляет власть правителя, которая, в свою очередь, посредством законов справедливости берет на себя бремя управления земным.[2]

Из этого можно сделать вывод, что, выбирая между западной и восточной традицией, Владимир руководствовался стремлением избежать угрозы внешней политической зависимости от Рима. Именно поэтому отношения между государством и церковью в Древней Руси складывались согласно византийской модели, характер которой следует изучить более подробно.

Принадлежащая императору Юстиниану шестая новелла раскрывает основы взаимоотношений властей церкви и государства, которые являются Божественными дарами человечеству, имеющими в своей основе один источник и призванные сохранять порядок вещей, будучи при этом в полном

---

[1] Гордиенко Н.С. «Крещение Руси»: Факты против легенд и мифов. Лен., 1986. С.70-73.
[2] Ильичев М.И. Русская Православная церковь и право: комментарий. М., 1999. С.28.

согласии, но не исключая самостоятельности друг друга в соответствующих аспектах.

Однако в действительности подобный принцип взаимоотношений церкви и государства не был реализован полностью, что привело к появлению доктрины цезарепапизма, при которой церковная организация представала фактически частью государственного аппарата при главенстве светской власти.

Сосредоточение обеих властей в одних руках дало начало процессу взаимовлияния канонических и светских правовых норм.

Как только христианская церковь оказалась под покровительством императора Константина (285-337 гг.), ее постановления были утверждены санкцией, принадлежащей государству, и обрели его законодательную силу.

В последствии «греко-римские императоры придавали ее (церкви) законам безусловно обязательную силу наряду с государственными законами. Император Юстиниан законом 530 года предписывает, чтобы все, запрещаемое канонами, запрещалось и государственными законами. Он же своею 6-ю новеллою определяет, чтобы каноны имели в государстве такое же значение, как и государственные законы..., причем теряет силу всякий государственный закон, противоречащий канонам»[1].

Так же, как только христианство обрело положение господствующей государственной религии, светская власть получила возможность свободно издавать законы по делам церкви, как самостоятельно, так и совместно с последней. Император, как верхушка церковной власти, имел право созыва вселенских соборов, принимая прямое участие в их деятельности и утверждении постановлений.

---

[1] Никодим, Епископ Далматинский. Православное церковное право. С.-Петербург, 1897. С.54-55.

Именно период правления императора Юстиниана (527-565 гг.) ознаменовался активным изданием разнообразных религиозных эдиктов, а так же появлением свода римского права носящего название «Корпус светского права», который включал четыре сборника:

– «Кодекс постановлений», состоящий из императорских законов от Адриана (117 г.) до Юстиниана (534 г.);

– «Институции»;

– «Дигесты» («Пандекты»);

– «Новеллы».

Первый сборник подразделен на двенадцать книг, которые, в свою очередь, разделены на титулы. Первые 13 титулов 1-ой книги «Кодекса» относятся сугубо к делам церкви и содержат изложение догматов христианства, которые представлены как государственный закон. Так, начало первого титула идет с закона Феодосия Великого, а точнее с его повеления всем народам, которые находятся во власти римского императора, придерживаться веры, проповедуемой апостолом Петром. Следующие три титула, являющиеся довольно обширными, состоят из законов, касающихся имущества церквей, а так же привилегий относительно духовенства и епископов.

Следующим важным памятников законотворчества можно назвать «Эклогу законов», которая была издана императором Львом Исаврянином в 741 году. Эклога представляет собой интерес по той причине, что в ней отразилось обычное славянское право, из-за чего она довольно активно нашла применение именно у славянских народов.

Между 870-879 годами Императором Василием Македонянином и его сыновьями была издана так называемая ручная книга законов «Прохирон», которая заменила собой Эклогу и произвела своеобразный возврат к

законодательству Императора Юстиниана. Помимо Прохирона, для церковного права важен изданный ими же сборник под названием «Василики» известный, так же, как Царские законы, однако, будучи не переведенным на славянский язык, он не сыграл роли в становлении церковного права славян.

Включенные в состав канонических сборников, эти законы являлись для церкви, признающей за ними полную силу, полноправным правовым источником. Согласно этому предполагалась гармония государства и церкви, а так же готовность светской законодательной власти издавать постановления, которые напрямую касаются церкви, только в духе канонического права и всегда в церковных интересах. Но на практике этот принцип не всегда соблюдался, о чем свидетельствует существование таких религиозных эдиктов, изданных императорами, которые противоречат догматам церкви, например эдикты против иконопочитания.

Государственные законы по делам церкви постоянно увеличивались, а потому возникла необходимость создания компиляционных сборников. На Востоке появились три подобных сборника:

1. «Сборник из 87 глав» патриарха Иоанна Схоластика, включающий извлечения из новелл Императора Юстиниана;
2. «Сборник из 25 глав», который состоит из «Кодекса» и извлечений из новелл по делам церкви;
3. «Сборник церковных законов», или «Трехчастный сборник», составленный императором Ираклием и являющийся наиболее полным сборником по делам церкви.

Столь большое количество как канонического, так и государственного законодательного материала, относящегося к церковным делам, привели к необходимости составления сборников, для более удобного использования. В

результате этого возникли Номоканоны, которые вмещали в себе в совокупности и каноны, а так же законы государства по делам церкви.

Один из самых древнейших «Номоканонов» относится к Иоанну Схоласту. Но, согласно мнению ученых, данный сборник ему не принадлежит, а связан с его именем только по той причине, что в его основу легли «Синагога» патриарха и его «Сборник из 87 глав», который в последствии был дополнен новыми канонами.[1]

Одним из самых важных исторических памятников права Византии является «Номоканон в 14 титулах», который известен так же как «Номоканон Фотия».[2]

Однако взаимоотношения между церковью и государством, которые складывались на Руси после христианизации, несколько отличались от вышеизложенной модели. Князь, по византийской традиции, стал покровителем церкви, но в сфере законодательства, в отличии от восточных императоров, его уставы в большей степени касались церковно-государственных отношений, но никак не внутрицерковной жизни, оставляя церкви заметную самостоятельность. Но в то же время большинству религиозных норм была оказана государственная поддержка.

Возникновение церковной организации в Древней Руси требовало законодательно определить ее место в системе государства. Договор, который определял взаимоотношения церковной и светской власти, их функциональную составляющую касательно государственного управления, земельных отношений, финансов и суда, отразился в Уставных грамотах и Княжеских церковных уставах.

Церковные уставы князей, которые дошли до наших дней, условно подлежат разделению на две группы в зависимости от принадлежности к

---

[1] Цыпин В.А. Церковное право. М., 1996. С.70.
[2] Цыпин В.А. Церковное право. М., 1996. С.70.

определенному периоду, территории того государственного образования, которое охватывает уставное разделение властей, а так же иерархического положения сторон, указанных в уставе.

Первая группа включает в себя Устав Владимира о десятинах и церковных людях, а так же Устав Ярослава о церковных судах, законодателями которых являются киевские князья, однако в создании последнего непосредственное участие принимал и митрополит Илларион. А потому данные уставы распространяли свое действие на всю территорию Древней Руси. В них устанавливаются размеры и формы материального церковного обеспечения и пределы церковной юрисдикции, применяющиеся к киевской митрополии.

Во вторую группу входят уставы и уставные грамоты, заключающие в себе особенности церковно-государственных отношений, которые образовались в пределах княжеств во время феодальной раздробленности XII-XIV вв.: Уставная грамота Смоленского князя Ростислава Мстиславовича и епископа Мануила 1136 - 1150 гг.; Уставная грамота Новгородского князя Святослава Олеговича 1137 г.; Устав Новгородского князя Всеволода о церковных судах.[1]

Так как практически все из вышеуказанных документов основываются на уставах Владимира и Ярослава, то рассматривать характер соотношения религиозных норм с правовыми лучше всего будет именно на основании этих документов.

Устав князя Владимира о десятинах, церковных людях и судах является ярчайшим памятником отечественного законотворчества.

Начинается он с обращением к богу «во имя отца, и сына, и святого духа» (ст.1), которое стало для нормативно-правовых актов традиционным.

---

[1] Бенешевич В.И. Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно Русской церкви до эпохи Петра Великого. Петроград. 1915. С. 96

Князь, руководствуясь упоминаемым в самом Уставе греческим номоканоном, гарантирует свое невмешательство в церковные дела, указывая то же самое своим потомкам (ст.4-7). Этот акт можно считать документальным закреплением принципа разделения церковной судебной компетенции и светской, определяя при этом саму сферу юрисдикции церкви по кругу как лиц, так и дел. В 9 статье приводится четкий перечень дел, которые находятся под ведомством церковного суда, и именно анализ этой главы позволяет проанализировать связь уставных положений с законом Ветхого Завета, которым руководствовался законодатель.

Эта статья так же имеет и материальное значение, так как на основании тех источников, которые являются наиболее авторитетными при составлении правовых текстов (в них входят постановления Вселенских соборов и первых христианских царей), впервые возводятся в ранг опасных для общества те поступки, которые до этого согласно русскому обычному праву не являлись преступлением. Вот некоторые положения, отнесенные к ведению церковного суда:[1]

– Роспуст – что означает самовольное расторжение брака вопреки учению церкви.

Для расторжение брака существовали исключительные случаи, но они так же подлежали судебному разбирательству. Обоснование, регламентирующее нерасторжимость брака, дано в священном писании Ветхого и Нового завета: в книге Бытия (гл.2, ст.21-25; гл.3), в Евангелие от Матфея (гл.19, ст. 1-12), в Евангелие от Марка (гл.10, ст. 1-12), Евангелие от Луки (гл.16, ст.18).

– Умычка – своеобразная языческая вариация вступления в брак с предшествующей договоренностью жениха и невесты, которая не была принята христианским вероучением.

[1] Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 153-161

– Ведовство – волхования, сурово карающиеся церковью. Пророков и сновидцев, которые призывают служить иным богам или явлениям, согласно Второзаконию (гл.13, ст.1-5) следует предавать смерти. Аналогичные последствия для различного вида волхвов описываются в книге Левит. Врачевание же было разрешено исключительно под церковной эгидой.

– Споры, касающиеся наследства.

Однако данный вопрос не имел четкой регламентации и не был полностью отнесен к компетенции церкви, которая так и не смогла добиться главенства в решении данного аспекта права, хотя и ссылалась на 27-ю главу книги Чисел.

– Церковная татьба (кража) – или же посягательство на атрибуты и имущество церкви.

Подводя итог анализа 9-ой статьи Устава князя Владимира, нужно отметить, что подлежащие церковному суду дела включали в себя области внутрисемейных конфликтов (преимущественно неимущественного характера), противонравственные преступления, обряды язычников.

Устав определяет сферу юрисдикции церкви о определенный круг лиц, к которым относятся (ст. 16): «игумен, поп, дьякон, дети их, попадья и кто в клиросе, игуменья, черница, проскурница, паломник, лечец (лекарь), прощеник и задушный человек (вольноотпущенники), сторонник (странник, богомолец), слепец, хромец, монастыреве, гостиницы, странноприимницы».

Подсудность вышеперечисленных лиц митрополитскому суду указывается в 17-ой статье, где так же перечисляются основные категории дел.

Материальное обеспечение церковной организации так же определяется Уставом в форме десятины (ст.3-13), где указывается, с определенными отсылками на божественное определение, на церковную

прерогативу соблюдать справедливость весов и мер (ст. 15). В основании данной прерогативы представлены такие книги Священного писаник как: Второзаконие, (25, 13-15); Левит, (19, 35-36); Иезекиль, (45, 10).

Согласно мнению А.С. Павлова, Устав князя Ярослава представляет собой обоснованное логическое продолжение Устава князя Владимира и развивает заложенные в нем основные идеи.[1]

Именно в этом Уставе представлен развернутый перечень церковных судов. Более того, в своем Уставе князь Ярослав помимо круга дел, входящих в церковное ведомство, определил наказания за нарушение его положений, которые не были свойственны для церковно-судебной практики, в виде денежных штрафов. Например, «аще жена будет чародеица, паузница, или волхва, или зелейница, и муж, доличив, казнит ю (накажет), а не лишиться (т. е. она не перестанет заниматься волшебством), митрополиту 6 гривен». Санкция нормы указывает на такие виды ответственности как уголовная, гражданская и церковно-правовая.

Основная часть положений Устава князя Ярослава направлена на регулирование брачно-семейных отношений, однако позиция, с которой они чаще всего рассматриваются – уголовно-правовая. Что касается отношений между мирянами, то их регулирование проводилось целым комплексом статей Пространственной редакции, которые, к примеру, запрещали лицам разных вероисповеданий участвовать в совместной трапезе.

Среди большинства норм, призванных к регулированию отношений мирян, в Уставе есть статьи, регламентирующие взаимоотношения людей, относящихся к церкви: о крещении попом за пределами своего уезда, о расстрижестве монахов, а так же общая статья, касающаяся подсудности церковных людей.

---

[1] Павлов А.С. Курс церковного права. М., 1902. С.150-154.

По мнению В.О. Ключевского, Устав представляет собой «свод постановлений о греховно-преступных деяниях, суд по которым над всеми христианами, духовными и мирянами, был поручен русской церковной власти».[1]

Но применение канонических правовых норм и церковной юрисдикции зачастую определялись не только церковными уставами. К примеру такие документы, как Псковская и Новогородская Судные грамоты, которые являли собой своеобразие общественно-политического строя вышеуказанных республик, тоже содержат указанные положения.

В жизни Новгорода одну из главных ролей играл архиепископ, который, будучи главой церкви, имел, помимо церковной, и определенную политическую власть, о чем ясно свидетельствует 1-я статья документа, где говорится о том, что суду архиепископа, кроме церковных, подсудны и светские люди.

В Псковской Судной грамоте так же говорится о том, что церковные люди не подлежат княжескому суду (точнее сказать, князя и посадника), а только суду владыки или его наместника. Однако в том случае, если с одной стороны окажется церковный человек, а с другой мирянин будет составлен своеобразный общий суд владыки и князя.

Анализируя содержание рассмотренных выше документов, можно сделать вывод, что церковь на Руси во времена средневековья имело большое влияние в судебных делах. Судебные права, принадлежащие церкви в древнерусский период, подразделялись на три части:

– В первую очередь это судебная власть над православным населением, которая ограничивалась определенным кругом дел, не подлежащим юрисдикции светского суда;

[1] Российское законодательство X-XX веков. Т.1. С. 164.

– Право суда над церковными людьми, вне зависимости от их территориального местонахождения.

– А так же, судебная власть над населением земель, входивших в феодальную собственность церковных организаций, на чьих территориях был установлен «отрицательный» судебный иммунитет, что означает, что абсолютная полнота судебной власти концентрировалась в руках вотчинника в лице определенного церковного учреждения.

Суд, разумеется, проводился на основании канонических правовых норм восточного православия, представленного в славянских переводах номоканонов, большая часть которых была отражена в церковных княжеских уставах. Церковь пользовалась церковно-дисциплинарным способом, в то время как государство воздействовало с помощью штрафов и телесных наказаний.

Из рассмотренного выше можно сделать обоснованный вывод, что появление на Руси христианства стало фактором своеобразной рецепции канонического и светского права, пусть и частично. А потому следует обратить внимание на наиболее важных для формирования русского законодательства памятниках византийского права.

Одним из получивших наиболее широкое распространение сводов церковного права является «Номоканон», на который ссылаются, как на главный правовой источник, многие Уставы древнерусского законодательства.

После перевода на славянский Номоканоны распространялись в дальнейшем в виде Кормчей книги, которая включала в себя следующие наиболее значимые византийские кодексы:

– Эклога Льва Исаврянина и Константина Копронима (739 - 741 гг.);

– Судебник царя Константина;

– «Прохирон» Василия Македонянина (870 - 878 гг.), в кормчих более известный как «Градской закон».

Однако положения, которые вошли в Кормчие, не в полной мере соответствовали греческим номоканоном, так как были заимствованы с определенной свободой выбора. Проводя анализ по сравнению Русской Правды и византийских кодексов, можно проследить то, как греческое законодательство приспосабливалось к условиям Древнерусского государства, так как не каждое установление византийского права могло быть применимо на Руси, которая совсем недавно существовала в сфере патриархального быта.

Выявленная роль церкви на формирование законодательства Древней Руси, четко прослеживающаяся в Русской Правде, позволила В.О. Ключевскому сделать вывод о том, что этот памятник в большинстве своем имеет церковное происхождение. Он старался доказать, что «текст Русской правды сложился в сфере не княжеского, а церковного суда, в среде церковной юрисдикции, нуждами и целями которой и руководился составитель Правды в своей работе»,[1] основываясь на отсутствии в Русской Правде тех обычаев, которые не принимала православная церковь (к примеру «поле»).

Источниками Русской Правды как светского нормативно-правового акта являются: древняя Кормчая книга; извлечения из законов Моисеевых; Эклога; закон Судный людям - Судебник царя Константина; Прохирон; а так же некоторые отрывки (или же полное содержание) уставов князя Владимира и князя Ярослава.

Подводя итог, можно сделать вывод, что церковь имела активное влияние на законодательство по многим вопросам, которые могли относиться как к ее собственной сфере, так и к государственной. В семейных аспектах

[1] Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн.1. М., 1997. С. 185.

Церковь собственноручно проводила реконструкцию, формируя церковно-византийскую гражданственность, что касается других областей общественной деятельности, она оказывала влияние через государство, указывая на путь нравственности с помощью церковных законов в виде Кормчих книг.

Одним из наиболее важных аспектов является тот факт, что христианизация Руси в корне изменила судьбу обычного русского права, которое не соответствовало православной морали. Благодаря влиянию христианства впервые объявляются преступными, а после и законодательно закрепляются в качестве противоправных поступки, которые до этого не считались таковыми. Одним из наиболее наглядных примеров этого факта является реконструкция брачного брава, где, до появления христианства, было позволено многоженство и наложничество. С помощью канонического права церковь боролась со многими пережитками родового строя, благодаря данным ей полномочиям, как судебным, так и законодательным, в силу чего она имела право нормировать семейную жизнь, устанавливая канонические положения.

Оценивая роль православия в организации общественной жизни, В.О Ключевский говорил о ее влиянии в большей мере именно на гражданские и семейные отношения: «Здесь, не ломая прямо закоренелых привычек и предрассудков, Церковь исподволь прививала к туземному быту новые понятия и отношения, перевоспитывая умы и нравы, приготовляя их к восприятию новых норм, и таким путем глубоко проникала в юридический и нравственный склад общества»[1].

Изучая влияние православия на государство Древней Руси, можно сделать вывод, что религия имеет прочные позиции в системе социального регулирования, воздействуя на поведение общества и индивидов с помощью установления и применения религиозных норм. Многие из ее предписаний

[1] Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн.1. М., 1997. С. 185.

отражаются в законодательстве, оказывая ощутимое влияние на формирование и развитие отечественного законодательства и права в целом.

Раздел II. Церковное (каноническое) право в правовой системе Российского государства

Время непосредственного образования централизованного государства России приходится на конец XIV и весь XVI век. Как говорит И.А. Исаев, под понятием централизации следует понимать такие процессы как объединение раздробленных земель вокруг Москвы, а так же появление централизованного государственного аппарата, который представлял собой новую структуру власти. Преобразованиям подверглась вся политическая система Московского государства. В свою очередь, церковь, которая обрела серьезную политическую силу, была одним из ключевых факторов укрепления централизации и объединения государственных земель.

Идеалогия находящегося в процессе формирования государства во многом в последствии определяется именно христианством, так как, в результате падения Византии, определенную силу набирает такая идея, как «Москва – Третий Рим», согласно которой русские князья предстали приемниками восточного христианства. «У русских книжников, - как отмечает Н. Суворов, - еще прежде, чем за московскими князьями официально утвердился царский титул, составилось весьма определенное историческое мировоззрение о московском государе, как покровителе вселенской церкви, ставшем на место византийского царя, и о Москве, как третьем Риме, получившем историческую миссию быть единым христианским царством.»[1].

Уже в 1448 году Русская православная церковь получает статус автокефальной, что предполагает независимость от патриарха Византии, однако больше всего обосновывает церковные притязания на политическую власть учреждение в России патриаршества в 1589 году. Но не смотря на полную независимость Русского патриарха от Византии, он попадал в

[1] Исаев А.В. История государства и права России. М., 1996. С.38.

зависимость от власти царя, так как, согласно Соборному Уложению, только царь мог утвердить избранного Поместным собором патриарха. В переписке с Польским королем, князь Василий Второй отмечал: «Кто будет нам люб, тот и будет митрополитом всея Руси»[1].

Оставшись главным законодательным органом церкви, поместные Соборы все же оказались под немалым влиянием Московских князей, как на состав, так и на принятые постановления. А.С. Павлов писал, что князья и цари «сами указывали предметы соборных рассуждений, и притом такие, которые относились не только к сфере внешнего, но и внутреннего права Церкви, они же нередко публиковали соборные постановления от своего собственного лица».

Исследуя данный период, можно выявить следующие тенденции: с одной стороны открывается церковное притязание на главенствующее влияние в делах государства, а с другой оказывается стремление светской власти обладать всей полнотой политической власти, что в последствии породило определенные противоречия между духовной и светской властью.

Отсюда следует, что законодательство государства отражает политику централизации, включая судебную власть, так как Судебник Ивана III, который был принят в 1497 году, заметно ограничил сферу церковного суда: из юрисдикции церкви были исключены дела, совершенные лицами разной подсудности (статья 59), оставив в ее ведомстве, в большинстве своем дела, касающиеся брака, наследства, взаимоотношений между родителями и детьми, а уголовные дела, даже совершенные лицами, которые подсудны церкви, теперь были в ведомстве только государственных органов.

Очередное ограничение, направленное на церковный суд, представлено в Судебнике 1550 года, где законом запрещается монастырям предоставлять жилье торговым людям, которые теперь не могли быть их

[1] Цыпин В.А. Церковное право. М., 1996. С. 106.

закладниками, и попали под юрисдикцию наместничьего управления. Теперь подсудности монастырей подлежали только нищие, питающиеся непосредственно от церкви.

Свою непосредственную силу канонические правовые нормы сохранили в большинстве своем в сфере внутрицерковных отношений. Что касается прочих сфер социального регулирования, прямое воздействие закрепленных законодательством норм религии заметно сужается.

В 1551 году, при Иване IV и митрополите Макарии, на церковно-земском соборе, который имел важное историческое значение из-за принятия Уложения, систематизировавшего действующие нормы церковного права, была предпринята попытка урегулировать церковно-государственные отношения. Существовала практическая необходимость для принятия этого документа: «Побуждением к законотворчеству послужила рознь обычаев, совершенно нетерпимая в сфере церковной жизни; царь заявляет, что «обычаи в прежние времена поисшаталися, предания законы порушены, или ослабно дело и небрегомо. Закон, напротив, стремится установить вечнообразные нормы...»[1].

Позднее данный сборник с постановлениями церковно-земского собора был известен как «Стоглав». Практически каждый список открывается своеобразным оглавлением, где отражается основное содержание документа: «Царские вопросы и соборные ответы о многоразличных церковных чинех».

Будучи детищем как государственной, так и церковной власти, сборник вызвал споры касательно его создания. Некоторые авторы считали, что основополагающую роль сыграла царская власть, в то время как другие говорили о деятельности через царя его ближайших советников. И все же,

[1] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. С.141.

нельзя отрицать, что духовенство сыграло важную роль в создании «Стоглава», где названы его виднейшие представители.

Анализируя этот исторический памятник законодательства, следует рассмотреть вопрос, касающийся источников Стоглава, одним из которых являлась Библия. Подробно исследуя текст Уложения, Д. Стефанович выявил приблизительно сто «стихов», некоторые из которых были переведены с определенными неточностями.

Однако большая часть заимствований была из Кормчих. К примеру, основным источником 61 главы можно считать законы и императорские «конституции», которые были изданы в качестве замены или дополнения к некоторым постановлениям императора Мануила Комнина (1143-1180 г.). Так же среди источников Стоглава находятся церковные уставы, митрополитские послания, историко-нравоучительные книги и постановления Собора 1503 года.

Беря во внимания тот спектр вопросов, который освещается в документе, нужно сказать, что Стоглав представляет собой многоплановый памятник права, так как его постановления охватывают такие области, как дисциплины монахов, духовенства и мирян, архиерейские пошлины, богослужения, церковный суд и народное образование.

Организация церковного суда составляет значительную часть Стоглава, где регламентируются такие его части как, соотношение с светским судом, а так же вопросы юрисдикции и непосредственно самого судопроизводства, что в общей сложности занимает 17 глав. Согласно постановлениям Стоглава, светские суды лишаются права на суд духовных лиц, а так же теряют свою силу «несудимые» грамоты, что означает подсудность монастырей своим епископам.

Подобно прочим каноническим правовым памятникам, Стоглав регулирует жизнь как церковных людей, так и мирян, посвящая этой сфере

немалую свою часть. К примеру, брачно-семейные отношения целиком и полностью были в регламентации церковного права. Нельзя не отметить, что некоторые постановления церковно-земского собора касаются быта и обрядов, так как, даже спустя несколько столетий, после христианизации Руси, какая-то часть языческих обрядов, таких как гадание, продолжала свое существование. Решением собора волхование и колдовство было запрещено, а наказанию подвергались не только те, кто волховал, но и те, кто прибегал к помощи колдунов (Гл. 41, вопрос 16) .

Так же обсуждению подлежали такие явления, как судебные поединки, все еще имеющие место быть, пьянство и азартные игры, а в одной из глав содержался запрет, основанный на правилах Карфагенского вселенского собора, на облачении мужчин в женские одежды, а женщин в мужские.

Значение Стоглава, как исторического памятника права, отмечал и М.Ф. Владимирский-Буданов, говоря «что в нем содержится много определений, прямо касающихся светского права: семейного права (о браке гл. 18-24), гражданского (о церковных - гл. 75, где собор старается защитить церковь от начинающихся попыток секуляризации церковных имуществ, о договоре займа в отношении к церковным учреждениям - гл. 76), уголовного (о лжеприсяге гл.37-38; о некоторых преступлениях против веры и церкви 92-94) и, наконец, государственного права (о святительском суде - гл. 53-69), где церковь старается утвердить неприкосновенность церковного суда и вводит в организацию его участие выборного элемента духовного и земского»[1].

Так же довольно важным моментом является то, как Стоглав определяет церковно-государственные отношения (62 глава), отмечая, что духовная и светская власти – величайшие дари, ниспосланные выше, где

[1] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. С.218.

священничество заботится о божественном, в то время как царство о самих людях.

Абсолютным авторитетом Стоглав располагал более века, однако в последствии оказалось, что был узаконен ряд некоторых обычаев, которые не соответствуют церковному учению и его практике, именно за них в последствии и ухватились раскольники. Именно по этой причине все его постановления были упразднены решениями Московского церковного собора. И все же, вплоть до начала XVIII века, патриарх Адриан в вопросах о святительском суде пользовался именно постановлениями Стоглава. Окончательно Стоглав лишился своей значимости для русской православной церкви после появления в 1720 году Духовного Регламента.

Особое церковное положение просматривается в статьях изданного в 1649 году Соборного уложения, где в светской кодификации говорилось об ответственности за противоцерковные преступления. Кроме того, в кодексе им было отведено главенствующее место - в главе 1 «О богохульниках и о церковных мятежниках».

Ранее решения суда по делам о преступлениях против религии предполагали в основном небесную кару, заключающуюся в божьем суде, то теперь государство берется за защиту церкви и веры.

Соборное Уложение, разрабатывая изложенные в Стоглавом Соборе составы преступлений, обозначает понятие богохульства, которое включает в себя оскорбление, отрицание Бога и Святых (ст. I) .

Установленная смертная казнь через сожжение ждала каждого, кто был обвинен в богохульстве, будь то православный или приверженец иной религии. Дела о преступлениях против церкви попадали под юрисдикцию Сыскного или Судного приказов, но не церковного суда, даже в том случает, если обвинялись духовные лица. В первой статье Уложения говорится, что обвиняемому в богохульстве следует предписать «сыскивати всяким сыски

накрепко». Казнь производилась только в том случае, если не оставалось никаких сомнений в справедливости обвинения Боярской думы и царя, которые являлись высшей апелляционной инстанцией. Именно этим был обусловлен приоритет светской власти в решении дел, касающихся раскольников или еретиков.

Теперь наказанию подлежало и учинение мятежа, нарушение церковной службы или же бесчинства в церкви, направленные не только на несоблюдение правил, но и на совершение противоправных действий в адрес мирян, находящихся в церкви. Наказание определялось в зависимости от тяжести преступления и места, где оно было совершено.

Согласно 7 статье Соборного Уложения, оскорбление церковных служителей каралось торговой казнью (публичное телесное наказание на торговых площадях), а мирян – месяц тюремного заключения и выплата определенной денежной суммы оскорбленному. В 5 статье говорится, что за нанесение ран преступник приговаривался к торговой казни без пощады, заключению в тюрьме сроком в один месяц, а так же выплату штрафа в двойном размере.

Следует отметить определенную двойственность в отношении Уложения к церкви. С одной стороны, церкви был нанесен ощутимы ущерб, так как, был учрежден Монастырский приказ, представляющий собой орган для проведения суда над духовенством и людьми, которые зависят от церкви (имеется ввиду рассмотрение сугубо светских дел). Патриарх Иоаким (1674-1690 гг.) в последствие добился его упразднения. Но с другой стороны, в судебной сфере церковь сохранила значительные права: не был упразднен патриарший суд, так же, церковь была обладательницей трети Российских земельных владений.

В Уложении довольно подробно рассматривается вопрос о соотношении церковного и государственного суда, где разрешается момент

касательно подсудности сторон, которые принадлежат к разным сферам юрисдикции.

Смело можно сделать вывод, что государство часто апеллировало к авторитету ценности церкви, предстающих в качестве средств поддержания законодательных установлений.

Середина семнадцатого века ознаменована деятельностью патриарха Никона, укрепившего власть церкви, который стремился утвердить приоритет духовной власти. Венцом его деятельности являлась церковная реформа, которая, не смотря на изначально благие намерения, закончилась расколом и привела к осуждению Патриарха Большим Московским Собором 1667 года, который установил принцип церковно-государственных отношений – царь обладает авторитетом в политических делах, а Патриарх в церковных.

Характер отношений государства и церкви значительно меняется после перехода к абсолютизму, и церковь попадает в подчинение государства во время правления Петра I.

В результате преобразований государственного строя страны, произошедших в XVII-XVIII веках, институт церкви подвергается реформе: упразднение патриаршества в 1721 году, создание Духовной Коллегии, оставшейся в истории как Священный Синод, который принял на себя роль высшего законосовещательного и судебного учреждения по церковным делам, а так же появление должности обер-прокурора в 1722 году. Главой церкви теперь являлся царь, а сама она представляла собой часть государственного аппарата, функциями которой стало руководство начальным образованием и наблюдение за политической благонадежностью подданных. Документ, которым духовное соборное правительство должно было руководствоваться в своей деятельности, имел название «Регламент или устав Духовной Коллегии».

Церковь лишилась значительной части самостоятельности, ведь даже ее законодательная деятельность не являлась независимой.

С течением времени регламент был дополнен правилами, которые были изданы в форме указов, утверждаемых непосредственно государем. Данные указы, инструкции и определения, которые издавались Синодом, представляют собой обширный источник действующего права русской церкви.

Большая часть Синодальных указов и иных актов по вопросам Православного Исповедания не кодифицировались, а потому были рассеяны по различным официальным изданиям. А потому с 1869г. в Петербурге было положено начало изданию «Полного Собрания постановлений и распоряжений по ведомству Православного Исповедания Российской Империи». В десяти его томах раскрывается законодательство, начиная от Петра I и вплоть до Елизаветы.

Таким образом, среди источников церковного права, которые выступают на первый план в период правления Петра Великого, следует различать следующие:

– Императорское церковное законодательство;

– Указы и определения Священного Синода;

– Государственное законодательство о церкви.

Но даже в этот период отечественной истории древние церковные правила так же считались одними из основных источников канонического права. Касательно Святейшего Синода в грамоте, отправленной восточным патриархам, Петр I писал: «оному же духовному Святейшему Синоду определили мы, чрез учиненную инструкцию, дабы святую церковь управляли во всем по догматам святые православные кафолические церкви

восточного исповедания неотменно, и иные и присягаю в святой соборной церкви, целованием креста и подчинением саморучным себя обязали».[1]

Так же Духовный регламент, в некоторых положениях, касательно учреждения, Синода включает следующую статью, которая после была повторена и в Уставе Духовных Консисторий: «управления основание есть закон Божий в священном писании предложенный, також каноны или правила соборные, св. отцов и прочие...».[2] Древнецерковные правила в отчетах, написанных Обер-прокурором, являются одними из основополагающих законов православной церкви, издание которых, по его мнению, на русском языке предаст духовному суду твердость.

В работе над законодательством, русское правительство по церковным делам базируется на том, что «всякая вновь предпринимаемая законодательная мера, к какому бы предмету духовного управления и суда она не относилась, должна быть согласна по духу и сущности с древними вселенскими постановлениями, всегда долженствующими сохранять свою обязательную силу»[3].

Но, не смотря на все вышесказанное, в данный период законотворчество российского государства проявляло активность в церковно-правовой сфере. Если раньше большая часть влияния, оказываемая на законотворчество, исходила со стороны церковного права, то теперь акцент смещается в сторону светского права.

Подобное положение вещей обосновывалось уже из того, что «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и

---

[1] Заозерский Н. Право православной грековосточной русской церкви как предмет специальной юридической науки. М., 1888. С.110.
[2] Заозерский Н. Право православной грековосточной русской церкви как предмет специальной юридической науки. М., 1888. С.111.
[3] Бердников И.С. Краткий курс церковного права православной Церкви. / Справка по вопросу об отношении церковного законодательства государственному. СПб., 1914. С.148.

хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в церкви святой благочиния»[1].

Отсюда следует, что государство по-прежнему стояло на охране религиозных постулатов, которые являлись составной частью ее государственного и общественного строя, что, конечно же, отражается и на светском праве.

На территории Российской империи господствующей верой является православная религия. Государство принимает и другие вероисповедания, относясь к ним терпимо, но их проповедь запрещается, ограничивая их правовой статус.

Тем, кто рожден в православии, и тем, кто обращен из другой веры, было запрещено переходить в иную веру, даже христианскую. (Св. Зак. т. 15. гл.3, ст.46). Согласно действующему законодательству непозволительно было совращение православных в любое другое христианское исповедание, а так же те, кто перешел в иную веру, лишаются всех прав на состояние.

Так же исполняются традиции, заложенные еще Соборным Уложением, которые ставят преступления простив веры на первое место. Так, первые две главы Артикула воинского 1715 г. посвящены преступлениям против веры, пусть и не охватывают всех существующих в то время видов преступлений, ограничиваясь установлением ответственности за идолопоклонство, колдовство, богохулие и нарушение порядка проведения церковной службы.

Закон предполагал чаще всего дисциплинарное наказание, в то время, как в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года предусматривалась уголовная ответственность за порицание христианской веры, богохульство, кощунство над священными предметами.

---

[1] Свод Законов Российской Империи. Том 1, часть 1, ст.64. Изд-е 1912г. С 5.

Помимо защиты православия посредством уголовных наказаний, законодательство Российской империи предписывало следующие обязанности светской власти:

– Держать под наблюдением таинство исповеди (ст. 19);

– Контролировать добросовестное исполнение религиозных обрядов не только со стороны служителей церкви, но и гражданского и военного начальства (ст. 21);

– По различным причинам отказавшихся от православия передавать в ведомство суда (ст. 40, 41);

– Осуществлять чисто канонический постулат на уровне государственной власти о том, что «все должны к церкви быть почтительными и входить в Храм Божий с благоговением, без усилий», (ст. 1, ч. 4, т. 14).

Исполнение данных обязанностей предписывалось христианам законам. А потому, каждый православный был обязан хотя бы раз в год приобщаться святых тайн и исповедоваться, а так же приводить детей к причастию, начиная с семи лет.

Благочиние во время церковной службы так же охранялось законом, который предписывал входить в церковь с благоговением, запрещал разговоры во время службы, отвлекать присутствующих и отвлекаться самому. Законом так же были предусмотрены определенные меры, чтобы во время службы ничего не препятствовало церкви извне.

Так же, нравственные религиозные ценности стали основой взаимоотношений верховной власти и подданных. Российский законодательный свод предписывал подданным в отношении государственной власти повиноваться не только страхом, но и совестью.

Как писал И.С. Бердников «Русское государство в лице своего правительства просит у бога благословения и покровительства во всех важных случаях общественной жизни. Оно видит в христианской религии залог нравственного, а вместе с ним и всякого другого преуспевания народа, и потому не заграждает ей путей влияния на общество. Оно чтит религиозные святыни и обеспечивает почтение к ним и в народе. Оно озабочено религиозным воспитанием народных масс и доставляет нужные средства к тому. Оно помогает своим содействием нравственно-просветительной деятельности Церкви как среди христиан, так и по отношению к инородцам. Оно карает своими наказаниями грубые оскорбления веры и церкви»[1]. Юридические нормы российского закона бережно хранила ценности религии и нравственности.

Феномен уравнивания права и религии наблюдается в Уставе благочиния (1782 год), где соблюдение добродетелей нормировалось в обязательном порядке правил, некоторыми положениями которых являются: не делай ближнему того, чего сам не хочешь терпеть, дай кров бедному, протяни руку помощи нуждающемуся. А что касается семейных отношений, Устав предписывал мужу защищать и уважать свою жену, которая, в свою очередь, обязуется почитать его.

Обязанности родителей перед детьми так же определялись законом и предполагали воспитание их в соответствии с нравственными и религиозными идеалами, руководствуясь наставлениями Иоанна Златоуста, которые можно было найти практически во всех педагогических трудах на территории России.

Довольно продолжительный период времени брачные дела на территории России решались церковью на основании византийских законов, которые вошли в отечественное законодательство из номоканонов. Однако, в

---

[1] Бердников И.С. Краткий курс церковного права православной греко-российской церкви. Казань, 1888. С.231- 232.

результате развития государственного законодательства, многие дела, касающиеся брачной сферы, перешли в ведомство светской власти, а нормы заключения и расторжения брака, в свою очередь, были пересмотрены. Но, даже после установления руководствующего положения государства над этой областью, пересмотр законодательства по брачным делам идет исключительно при участии церкви. А в отношении таких аспектов брачного права, как, например, порядок совершения брака и препятствие к последнему в виде близкого родства, отечественное законодательство напрямую ссылается на церковные правила и руководствуется ими же.

Подводя итог, можно сделать вывод, что большая часть религиозных норм продолжают носить юридический характер, выполняя регулятивную функцию в политической, гражданско-правовой и брачно-семейной сферах. Каноническое право, являвшееся частью государственной правовой системы, утратило свое юридическое значение только в 1917 году после отделения церкви от государства. Отсюда следует, что нормотворческая религиозная функция имела место быть в большинстве сферах общественных отношений России, а религиозные ценности, которые были возведены в ранг закона, легли в основу многих нормативно-правовых актов.

Раздел III. Право и православие как ценностно-нормативные системы

В своем преимуществе согласно истории развитие общества пошло по пути отделения государства и Церкви.

Двадцатый век для России прошел под эгидой процесса, который можно обозначить как секуляризация права, чьим результатом оказалось максимальное удаление правовых норм и религиозных друг от друга.

Согласно ст. 14 Конституции РФ Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Согласно этому положению религии в светском государстве, в том числе их правила и установления, не могут считаться источниками права, а так же не оказывают влияние на деятельность государственных органов.

И все же в современном мире определенно сохранилась взаимосвязь религии и права, что определенно закономерно, ведь, согласно справедливому замечанию Г.Н. Манова: «христианские религиозные запреты и требования несут в себе опыт социального общения людей, выработанный тысячелетиями, выражают элементарные нормы человеческого общежития». [1]

В силу определения права и религии как сложных систем образования, их соотношение предстает достаточно глубоким и многоплановым, что предполагает широкий спектр их взаимодействия.

Правовая система, как и религиозная, представляют определенную целостность с непременно взаимосвязанными элементами. Взаимно влияют друг на друга не только социальные системы в целом, но и принадлежащие им структурные компоненты – элементы как религиозного, так и правового

[1] Манов Г.Н. Теория права и государства. М., 1996. С. 128.

комплекса. Клочков В.А. говорит о следующих существенных связях, рассматривая право и религию именно с изложенной выше позиции:

а) воздействие друг на друга их однородных элементов: религиозной идеологии и правосознания, церковных и светских судов, религиозных и правовых норм;

б) совместное воздействие однородных элементов обеих систем на другие социальные системы и общественную жизнь, например, религиозной и правовой идеологии - на нравственные представления, совокупное регулирование юридическими и религиозными нормами общественных отношений;

в) воздействие друг на друга неоднородных элементов религиозной и правовой систем, которое может быть непосредственным, например, регулирование юридическими нормами культового поведения и отношений, внутрицерковной деятельности, и опосредованным (влияние религиозной идеологии на формирование правовых норм через правосознание - в результате восприятия правосознанием религиозных идей и представлений);

г) взаимодействие отраслей права с различными сферами религии: регулирование правовыми и религиозными нормами различных сторон церковно-государственных отношений, имущественных и иных прав конфессиональных организаций и служителей культа, узаконение церемоний культа в различных сферах государственной жизни (коронация, инаугурация президента США, религиозная присяга при занятии государственных должностей, религиозная клятва в суде и др.);

д) взаимосвязь различных отраслей права с религией в целом (например, разная степень их секуляризации)[1].

---

[1] Клочков В.В. Религия, государство, право. Москва, 1978 г. С 97-98

Для более полного рассмотрения данного вопроса следует выделить границы поставленной темы и выявить главные векторы исследования.

Говоря о взаимодействии религии и права, как о регуляторах общественных отношений, в первую очередь следует выделить религиозные и правовые нормы, являющиеся наиболее активными элементами вышеперечисленных систем. Именно нормам отведена определяющая роль в регулировании этими системами общественных отношений, путем установления действующих правил поведения человека в социуме. В процессе взаимодействия права и религии нормы несомненно влияют и друг на друга, что отражает характер соотношения правовой и религиозной системы.

Однако и в указанных пределах можно выделить три взаимосвязанных аспекта такого взаимодействия:

1) непосредственное взаимодействие права и религии в процессе социального регулирования;

2) религиозное отношение (понимание, восприятие, оценку, притязание, применение) к праву;

3) соответствующее признание и выражение в праве тех или иных аспектов религиозного феномена.

Обоюдная включенность религиозных и правовых установлений в систему социального регулирования обуславливает единое «поле» их действия, отсюда вытекает необходимость обозначить те сферы общественной жизни, которые являются объектом воздействия данных регуляторов, ведь требуется понять, каким образом одну сферу регулирует религия, а другую право. Ответы на заданный вопрос представляют собой как теоретическое, так и практическое значение. Границы их регулятивного воздействия должны быть установлены сообразно из специфике, но не менее

важно попытаться сформулировать наиболее оптимальную модель взаимодействия права и религии.

Область специфически предметно или пространственно обособленной сферы регулирования общественных отношений правом или религией достаточно узка.

Безусловно, что в каждой системе права встречаются нормы, которые включают организационные правила, не имеющие под собой этической подоплеки. Порядок наследования или назначенная законом форма протокола заседания суда, к примеру, не затрагивают каких-либо религиозных ценностей.

В свою очередь сфера межличностного общения, охватывающаяся понятиями любви, дружбы, взаимопомощи могут являться объектами религии (ведь исторически она никогда не действовала изолированно от моральных норм, обычаев и т.д.), но к правовому регулированию не относятся. Наконец, религиозные нормы регулируют такие отношения, которые находятся вне сферы воздействия каких либо иных социальных норм: отношения, которые возникают между людьми в процессе внутрицерковной деятельности, при отправлении религиозного культа.

Но, если говорить в целом, вряд ли возможно найти сферу общественных отношений, где в «кристально чистом» виде выделялся бы тот или иной вид социальных норм. Взаимодействие социальных регуляторов, в том числе права и религии, возможно в любой области жизнедеятельности людей, так как выбор определенной стратегии поведения человека - это результат корреляции личностью различных норм, регулирующих соответствующие общественные отношения.

Именно поэтому человек может руководствоваться нормами религии, не нарушая те требования, которые устанавливает государство, соотнеся их с правилами своего вероисповедания, даже в области правового

регулирования. Не следует забывать, что регулятивная функция религии имеет своем влияние не только внутри церкви, и ее нормативная регламентация не заканчивается обрядовой частью. Христианство определяет в первую очередь общие нормы поведения, охватывая своим влиянием предельно широкую сферу жизнедеятельности человека. Религия способна проникать в самые разные общественные отношения, в том числе и экономические, политические, правовые и пр., поскольку ориентирована в своих предписаниях на категории добра, совести, долга, личной ответственности и т.д., которые являются универсальными критериями оценивания человеческого поведения в любой из сфер жизнедеятельности. Такие русские мыслители как С.Л. Франк, В.С. Соловьев, Г.П. Федотов, С. Булгаков рассматривали христианство, через призму этики, как принцип, который функционирует на каждом уровне жизни человека: «Христианство, как, впрочем, и всякая религия, притязающая на абсолютность, простирает область своих интересов и влияния на все сферы жизни. ...Для него нет нейтральных или индифферентных областей... как нет границ для Бога...». [1] Л.П. Карсавин утверждал, что согласно «самой природе своей русская церковь не может оставаться вне национальной жизни, равнодушно относиться к проблемам политики и общественности» .

На современном этапе в православной церкви идет речь о создании единой социальной доктрины, которая призвана выделить, с точки зрения религии, смысл внешней или же светской деятельности верующего. Данная концепция, считает о. Новик, должна отражать наставления Церкви не только относительно личного и храмового благочестия верующих, не только традиционные правила и обязанности христианина относительно самого себя и своих ближних, но и его обязанности относительно общества в целом, то есть его социальную ответственность, дать определенные принципы,

[1] Булгаков С.Н. Неотложная задача (О союзе христианской политики) / Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С.30-31.

ориентирующие людей как граждан в их социально-политических взглядах и предпочтениях[1].

На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви, который прошел в Москве в 1994 году, приняли решение по поводу появления социальной доктрины, которая должна представлять собой всеобъемлющую концепцию, способную отразить взгляд церкви на сферу государственно-церковных отношений и общественные проблемы в целом. Были определены и основные направления разработок: богословские основы отношений Церкви с Государством и светским обществом; Церковь и политика; Церковь и национальный вопрос; личная, семейная, общественная и трудовая этика; отношение к собственности; закон и преступность, мораль и право; вопросы биоэтики и экологии; проблемы войны и мира; отношение к науке, культуре, образованию; международные отношения[2]. Говоря в целом, социальная доктрина включила в себя всю общность вопросов, которые связаны с внешним (со стороны Церкви) миром.

Данная доктрина базируется на миропонимании присущем религии, а потому она дает человеку ясное представление о каждом аспекте их общественной жизни. В.И. Экземплярский, профессор Киевской Духовной академии, писал: «Хотя Евангелие не определяет форм общественной жизни, но оно прямо называет такие руководящие принципы человеческих общественных отношений, которые безусловно дают христианину возможность уметь непосредственно, как при свете дня, оценивать и формы общественных отношений... И не трудно назвать основные евангельские начала для всяких общественных отношений: начала эти - свобода и любовь... Христианство возвещает также величайший положительный

---

[1] .Новик В. «Православие. Христианство. Демократия». СПб., 1999. С. 106-107.
[2] Шведов О. Статья: «Имеют ли православные социальную доктрину?» / Православная беседа. 1999. №4. С.33-36.

принцип общественных отношении в виде идеи братства людей, как конкретном выражении начала любви»[1].

Однако, не следует рассматривать указанную концепцию как попытку всеобщей регламентации, которая была свойственна законам Ветхого Завета, подробно рассматривающим нормы поведения во всех областях общественного бытия. Речь идет о возможности оценки экономических, социальных, а так же политических структур через призму православия, в плане их возможного разногласия с нормами христианства и тому же представлению о человеке. С данной позиции дается интерпретация, ч точки зрения религии, любых общественных отношений. Отсюда следует, что и правовая действительность имеет возможность рассматриваться через призму религиозных ценностей.

В данном ключе религия и право представлены близкими системами социальных норм. В случает совпадения регулируемых сфер отношений нормы права и религии оказываются схожими, а в некоторых случаях абсолютно тождественными согласно характеру предписания, в результате чего общими силами оказывается взаимодополняемое воздействие на развитие социума. В православии содержится множество предписаний должного и запрещаемого поведения, тождественного с позицией закона - «не убий, не укради...». «Большинство принципов и норм международного права, целый ряд норм различных отраслей внутригосударственного права согласуются с положениями основных источников христианства»[2]. Результатом этого взаимодействия становится обеспечение требуемого человеческого поведения, как со стороны права, так и со стороны религиозных норм, принуждением и государства, и церкви.

Так же примером симбиоза религии и права можно назвать освящение религией институтов, санкционируемых правом, что приводит к появлению

---

[1] Экземплярский В.И. Евангелие и общественная жизнь. Киев, 1913. С.47-48.
[2] Касторская Е.В. Криминологическая характеристика деятельности христианских объединений в России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кан. ю. н. СПб., 1999. С.3.

у верующих к ним особого эмоционального отношения. При освящении как права, так и его отдельных институтов, религия признает греховным так же нарушение юридических норм, что и способствует, в результате, их исполнению.

Рассматривая процесс социального регулирования, можно сделать вывод, что религия и право представляют союз, в котором основная часть нормативного регулирования возложена на право, в то время как религия реализует легитимирующую функцию.

Данный вопрос был рассмотрен социологом Э. Дюркгемом. В «Элементарных формах религиозной жизни» Дюркгейма религия представляет собой институт, неотъемлемо связанный с основами социального аспекта человеческого существования. Поэтому, изучая проблему нормативного порядка Дюркгейм акцентирует внимание на религиозной организации социальной жизни, основанной на авторитете и власти над людьми «священных вещей»: соответствующие представления о священном связывают отдельных людей в единое целое, определяя и соответствующее поведение[1].

Свое дальнейшее развитие эта проблема получила в социологической теории «системного функционализма» Т. Парсонса. С его точки зрения, общество – нормативная система с существующими в ней четырьмя основными функциями – адаптация, целедостижение, интеграция и «удержание образца». В преимуществе изучения у Парсонса функциональный аспект, а точнее вопросы интеграции общества как сложной социальной системы, которая включает определенные подсистемы различного уровня и степени общности – от индивида до цивилизации. А потому религию, роль, которую она играет в обществе, он рассматривает исходя из контекста названной проблемы.

---

[1] Гараджа В.И. Социология религии. М., 1996. С.75.

Правовая подсистема, подкрепляемая «моральной» санкцией, которая не относится к правовым способам санкционирования, обеспечивает интеграционную функцию, ведь мы говорим о нормах, служащих руководством как для отдельной личности, так и для коллективов. Моральное обоснование, которое предписывает совершение одного действия и воздержание от другой, уважение границ, образующих свободу других, возложение на себя ответственности за соответствующее применение свободы в той же области, определяет не просто соблюдение норм, а проявление в деятельности приверженность неким ценностям. В этом способе санкционирования деятельности происходит сочленение системы норм и экспектаций с регулирующими их ценностями, которое Парсонс называет легитимацией нормативной системы. Речь идет о легитимации самого нормативного порядка, связанного с культурной системой ценностей, которая «трансцедентна» по отношению к данной социальной системе.

В представлении Парсонса, общество сможет предстать достаточно интегрированной системой лишь после того, как порядок его норм будет поддерживаться отсылкой к «последней действительности» как основанию легитимации. Нормативная система нуждается в обосновании и узаконении, так как неподкреплённая мотивацией, которая обеспечивает соблюдение образам культуры, отсылка на правоту и справедливость становится недостаточной. С данной позиции религия является гарантом общественной жизнеспособности и стабильности. В таком случае ее можно идентифицировать с функцией, которая обеспечивает своеобразное «следование образцу», которую выполняет благодаря соотношению норм и значимых ценностей, укоренившихся, помимо различных социально-культурны систем, в универсалиях существования человека.

Системный функционализм основывает подход к решению или рассмотрению проблемы религии на понимании связи между нормой и ценностью, «поддержанием культурного образца».[1]

Американский социолог П. Бергер, исследуя вопрос социальных функций религии, приходит к выводу, что религия существует в обществе прежде всего потому, что она связывает социальные нормы, значения и установления с сакральным (сверхъестественным) и тем самым освящает (легитимирует) их, содействует их сохранению и укреплению. Религия, утверждает П. Бергер, есть наиболее важный и эффективный способ легитимации социального порядка .

Таким образом, в социологических теориях религии, основывающих ее понимание на тезисе об интеграции, религия обеспечивает такой способ восприятия действительности, мироощущения, обоснования соответствующих ценностных ориентаций, когда диктуемые обществом индивиду правила поведения воспринимаются индивидом, не как нечто принудительное, извне ему навязываемое, но как нечто диктуемое объективным смыслом, заложенным в природе мироздания. [2]

Для России в период бытия христианства как государственной религии было характерно соответствие государственно-правовых и религиозных систем ценностей. Православие определяло и поддерживало ценности, которые включались в политическое поведение в качестве установок подчинения властям данного общества и законам государства. О необходимости соблюдения установленного общественного порядка, правовых предписаний говорятся в священном Писании: «Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощерения делающих добро, - ибо такова есть воля

[1] Гараджа В.И. Социология религии. М., 1996. С.147.
[2] Гараджа В.И. Социология религии. М., 1996. С.85.

Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей...» (1 Петр. 2, 13-16).

Важно, что, не ограничиваясь конкретной формой государственного строя и определенными временными рамками, христианство всегда признавало авторитет государственной власти. Апостол Петр наставлял соблюдать государственные законы «для Господа», т.е. не из страха быть наказанными государством, но по любви к Богу, которая должна выражаться в исполнении Его воли, и любви к ближнему, относиться к которому каждый христианин должен, по словам Христа Спасителя, как к самому себе (Мф. 7,12) [1].

Современному обществу свойственна рационально-правовая форма власти - система, при которой люди следуют обезличенным правилам, нормам и принципам. [2] А потому достаточно обоснованным можно считать вопрос о необходимости легитимации от лица какой-либо религии для современной политической системы общества.

В этой связи следует затронуть аксиологический аспект социальных норм. Основная проблема, связанная с нормативной деятельностью, утверждает Контарев А.А., выражена противоречием между всеобщим и единичным, выступающим в индивидуальном опыте человека как противоречие между сущим и должным. Норма, предписываемая извне, является сферой должного. Она противостоит человеку как родовая стратегия поведения, призванная организовать поведение людей, заставить их поступать определенным образом независимо от личных интересов и устремлений.

Однако бытие индивида не исчерпывается сферой должного. Соответственно, норма не является лишь голым внешним предписанием -

---

[1]Епископ Верейский Евгений (Решетников) // «Духовное возрождение. Правопорядок. Молодежь: Рождественские чтения». М., 1998. С.25.
[2] Гараджа В.И. Социология религии. М., 1996. С.238.

здесь вообще существует через единичное - она реализуется через индивидуальный опыт и является не просто схемой, стратегией поведения, но отношением к ним, оценкой. Норма - это обобщение его личного и всеобщего социального опыта. В этом смысле социальные нормы - это отношение, объективированное в виде определенных социально значимых способов действия, с одной стороны, и субъективированное в виде отражения их в общественном сознании - с другой.

И именно противоречие между правом как должным, предписывающим конкретную стратегию поведения и индивидуальным волеизъявлением человека как сущим зачастую лежит в основе девиантного поведения. Поэтому тождество обязанностей и притязаний в сознании индивида как субъекта права является необходимым условием успешного выполнения правом своих социальных функций. Один из возможных путей достижения этого В.П. Пономарева видит в выравнивании автономного, индивидуального правового сознания путем достижения примерно одинакового уровня нравственно-религиозного развития. [1]

Право, являясь элементом культуры, сливается с присущими ей компонентами нравственности, религиозности и эстетики, выступая при этом в крепкой связи с жизненным укладом, присущим тому или иному народу. Поэтому, в контексте нашей страны, решение проблемы правового регулирования современных общественных отношений, не будет возможным, если не учитывать исторически сложившиеся особенности менталитета России. В русской же традиции право и нравственность, определяемая особенностями православия, неразделимы.

Невозможно поддерживать право только силой принуждения и запретов. Его нормы не имеют милы, если опорой права не выступает культура, идеалы и святыни нации. Общество в России на протяжении всего

---

[1] Пономарева В.П. Феномен религии в контексте отечественного права // Религия, умонастроения, идеология в истории. Межвуз. сборник. Брянск, 1996. С.133.

времени базировалось на воспитании в каждом человеке, в первую очередь, его гражданских, семейных и религиозных обязательств. Русская правовая философия говорила, что исправление пороков права реализуемо сугубо в русле духовного очищения.

Вместе с тем возвышение религиозно-нравственного начала при игнорировании и даже принижении роли правового может оказывать обратно пропорциональное воздействие, способствуя развитию нигилистических настроений в правовом понимании, что имеет негативные последствия для стабильного функционирования социального организма.[1]

Подобные настроения, характеризующиеся слабым пониманием значимости права для общества, а так же пренебрежительным отношением к закону государства, были присущи некоторым славянофилам вплоть до середины девятнадцатого века. В умах А.С. Хомякова и И.В. Киреевского главенствовало убеждение, что не представляется возможным регулирование общественных отношений на основе лишь формального права. Понятие «соборности» являлось ключевым для славянофилов, предполагая единство христиан на православной основе, базирующейся на принципе братсва и любви. В их понимании юриспруденция как таковая не представляла особой ценности, ведь в Царстве Божием ее не будет, а потому и в земных условиях она не требует особого внимания.

Однако, становится очевидным, что подобное общение не подвластно обществу в силу многообразия его составляющих. «Необходимо раз и навсегда понять и убедиться, что общественная жизнь невозможна вне порядка, т.е. вне устойчивой правовой организации; что разрушить эту организацию легко, а создавать трудно. Тяготение к порядку и организации подсказывается народу чувством самосохранения, ибо можно с уверенностью сказать, что народ, оказавшийся без организованного порядка,

---

[1] Бондаренко Ю.В. Статья: «Ценностное измерение права и христианства в вопросах социального регулирования».

или создаст его, или погибнет», - так писал великий русский философ И.А. Ильин.[1]

И все же, в деле социального регулирования нет каких-либо серьезных обоснований для приобретения религиозно-нравственными идеалами приоритета над установлениями права, так как предъявленные обществу требования христианства на данный момент подняли его на недоступную высоту, из этого следует, что на данном этапе право предстает регулятором куда более эффективным.

Формирование правового государства может быть лишь при условии признания закона серьезной ценностью, в том числе и с религиозной точки зрения. «...Подлинная религиозность может отрицать известное правовое содержание или известный способ правовой организации, но не может отрицать само право в его принципе, не впадая в недоразумение. Право есть необходимая форма духовного бытия человека», а потому «религия, отвергающая положительное право и государство, или сознательно отворачивается от эмпирической жизни человека, или бессознательно упускает из вида объективные свойства этой жизни, самого человека и государства»[2].

Но если религиозное сознание обращается к приятию и признанию правового начала в целом, то это совсем не означает, что оно во всех случаях освящает конкретно-историческое право либо отдельные правовые установления. Следует заметить, что в процессе взаимодействия право и религия не во всех случаях «работают» однонаправлено, взаимно дополняя и поддерживая друг друга. Их воздействие на общественную жизнь в целом, либо на отдельные ее сферы может носить как согласованный, так и противоречивый характер.

---

[1] Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С.212.
[2] Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С.223-224.

Право и религия в их взаимных отношениях могут быть сравнены с двумя пересекающимися окружностями: у них есть, с одной стороны, общая сфера - сфера пересечения, в которой содержание их предписаний совпадает, и вместе с тем две отдельные области, в коих их требования частью не сходятся между собой, частью даже прямо противоречат друг другу.

Соответственно, в определенных ситуациях те или иные религиозные предписания могут приходить в противоречие с существующими в государстве правовыми нормами. Противодействие выражается в том, что нормы права и религии при идентичности сфер, попадающих под их регулирование, предписывают различное, иногда даже диаметрально противоположное поведение. В определенных ситуациях религия может являться фактором криминогенного характера.

В состоянии противодействия могут находиться правовые нормы и нормы некоторых из существующих в стране религиозных конфессий, деятельность которых запрещена государством. В демократическом обществе, с присущим ему религиозным плюрализмом, как следует из ч.3 ст. 17, ч.3 ст.55 Конституции Российской Федерации и корреспондирующих им положений ст. 18 (п.2,3) Международного пакта о гражданских и политических правах, а также ст. 9 (п.2) Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подобного рода ограничения могут быть предусмотрены законом, если это необходимо в интересах общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.[1]

В права государства входит предусмотрение каких-либо препятствий для не предоставления автоматического статуса религиозным организациям, оно имеет право не легализовать организацию, если ее деятельность нарушает человеческие права и причастна к преступной деятельности. Так

[1] Комментарий к Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс] / под общ. ред. Л.В. Лазарева. Сайт Конституции Российской Федерации (дата публикации 29.06.2010), 2009. - Режим доступа: http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5366634. (дата обращения 13.04.18)

же, государство может останавливать деятельность миссионеров, если она противоречит свободе совести, вероисповеданию или же другим правам конституции, а именно, если имеет место быть противоправное воздействие на человека, который находится в нуждающемся положении, под психологическим давлением или ему угрожают насилием.

Религиозная приверженность может приводить к конфликту и с требованиями закона, и с нормами светской морали. Как правило, этот конфликт связан с проявлением религиозного фанатизма, нетерпимостью по отношению к иным вероисповеданиям. Конфликт может быть вызван и в целом происходящим в обществе процессом секуляризации. Изменения в духовной жизни общества, обусловленные формированием светской культуры, порождают ценностные и нормативные установки, зачастую не согласные с традиционными религиозными взглядами на мир и соответствующими религиозными предписаниями. И «чем более систематизирована и глубока религия спасения по своим этическим убеждениям, тем резче она противостоит реальности мира»[1]. Другими словами религия противопоставляет свою внемирскую направленность мирским интересам в сфере экономики, политики, общественной жизни и межличностных отношений. Религиозными убеждениями могут не приветствоваться армейская служба, а так же политическая деятельность.

При этом государство в ряде случаев учитывает требования религиозных установлений. Так, законодательно предусмотрена возможность отказа от службы в армии по соображениям совести как осуществление права на свободу совести и религии. В резолюции Комиссии ООН по правам человека 1989/59, подтвержденной в 1991 г. (резолюция 1991/65) и в 1993 г. (резолюция 1993/84), признается «право каждого человека на отказ от военной службы по соображениям совести как законное осуществление права на свободу мысли совести и религии, изложенного в статье 18

[1] Макс Вебер. «Избранное: Образ общества». Издательство: М.: Юрист. Год: 1994. С 75.

Всеобщей декларации прав человека, а также в статье 18 Международного пакта о гражданских и политических правах» и рекомендуется государствам, «в которых существует система обязательной воинской повинности и где такие положения еще не приняты, ввести различные альтернативные формы службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести», которые «должны в принципе иметь гражданский или невоенный характер, отвечать общественным интересам и не носить характер наказания»[1].

Религиозные начала в системе морально-нравственных ценностей и идеалов (их место, значение, распространенность) во многом зависят от отношения государства к религии - является ли она государственной или же отделена от него и существует автономно.

В свете выше изложенного следует отметить, что многие аспекты в соотношение религии и права нельзя раскрыть вне их связи с государством. Взаимодействие государства, права и религии находит конкретное свое выражение в так называемых государственно-церковных отношениях, характер которых относится к наиболее существенным факторам, влияющим на соотношение религии и права.

Основное начало отношений между Церковью и государством в Библии указано в словах: «воздадите Кесарю Кесарево и Божие Богу», согласно которому к государству и церкви относятся различные сферы воздействия и в принципе независимы друг от друга. Но, несмотря на самостоятельность церковного общества во внутренней жизни, оно, как явление социального характера, необходимо входит в соотношение с государством. Так, религиозная община имеет собственность, совершает культовые действия и содержит для этого на службе определенных индивидов, тем самым она переходит из своей внутренней области в область мирского, в область государства, и, следовательно, подпадает под его законы.

[1] Религия и закон. Сборник правовых актов с комментариями. М., 1996. С.7.

Государство не вмешивается в духовную жизнь Церкви, в ее вероучение, литургическую жизнь и духовную практику, равно как и вообще в деятельность канонических церковных учреждений, за исключением тех ее сторон, которые предполагают деятельность в качестве юридического лица, неизбежно вступающего в соответствующие отношения с государством, его законодательством и властными органами.[1] Ибо со своей стороны государство предназначено для регулирования деятельности юридически оформленных общественных структур. Следовательно, государство определяет правовой статус церкви, ее внешнее правовое положение среди прочих сфер общежития. Издание законов, которыми определяется положение церкви, как юридического лица относится исключительно к полномочиям государства. Будут ли эти законы благоприятны или не благоприятны, церковь не может уклониться от них; исполнение их составляет для нее внешнюю необходимость.

В ходе исторического развития взаимоотношения Церкви и государства развивались и претерпевали значительные изменения - от «византийской симфонии» и бытия православной религии как государственной до полного отделения Церкви от государства в 1918 году. Декретом СНК от 20 января 1918 года «Об отделении Церкви от государства школы от Церкви» православная Церковь теряла права юридического лица: «Никакие церкви и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. Все имущества существующих в России церквей и религиозных обществ объявляются народным достоянием» .

Наиболее значимые перемены в законодательном статусе Русской Православной Церкви, а так же и других религиозных организаций, произошли после принятия в 1990 году Закона «О свободе совести и

[1] Цыпин В.А. Статья: «Взаимоотношения Церкви и государства. Канонические принципы и историческая действительность».

религиозных организациях», который утвердил за некоторыми приходами права юридического лица. К примеру: право на получение недвижимости в собственность, на защиту своих интересов в судебном порядке; так же религиозные организации получили возможность принимать участие в жизни общества и использовать средства массовой информации.

В настоящее время законодательство, регулирующее деятельность религиозных организаций на территории России включает в себя:

- Конституция Российской Федерации;
- Гражданский кодекс Российской Федерации;
- Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 05.02.2018) "О свободе совести и о религиозных объединениях";
- Указы Президента Российской Федерации;
- Постановления Правительства Российской Федерации;
- Приказы Министерства юстиции Российской Федерации;
- Нормативные акты субъектов Российской Федерации.

На территории РФ юридически значимая деятельность религиозных организаций РПЦ приводится в исполнение, основываясь на действующем законодательстве Российской Федерации и ее субъектах, а так же, на основе учредительных документов Русской Православной Церкви, к которым можно отнести:

- «Устав об управлении Русской Православной Церкви», принятый Архиерейским Собором в 2000 г. (с учетом поправок, внесенных Определениями Архиерейских Соборов 2008 и 2011 гг.);

- Устав религиозной организации «Русская Православная Церковь» (Гражданский), утвержденный Патриархом Московским и всея Руси 24 февраля 1991 г.

Итак, при удовлетворении человеком своих религиозных потребностей появляются религиозно-правовые отношения, которые, в совокупности своей, составляют специфический правовой институт, характеризующийся тем, что регуляторами религиозных отношений предстают нормы и светского, и церковного права.

И все же, права, регламентирующие функционирование и деятельность религиозных организаций, не представляются незыблемыми. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» до сих пор вызывает дискуссии и споры.

В свое время наиболее широкую дискуссию побудило отведение особой роли православию в истории Российского государства, влиянию, которое оно оказало на формирование культуры, а так же перечень уважаемых со стороны государства религий.

Положения о свободе совести нашли свое отражение и в Конституции Российской Федерации (ст. 2, 28, 29 и др.). Согласно им нет высшей ценности, чем человек, а так же присущие ему права и свободы. Каждый может рассчитывать на гарантию свободы совести, вероисповедания, слова, мысли, а так же на право передачи, производства и распространения какой-либо информации любым способом, отвечающим действующему законодательству. А так же, ни у кого нет права принуждать к выражению своего мнения или же отказу от него.

Помимо свободы мысли и совести это право включает в себя свободу исповедания своей религии либо индивидуально, либо же совместно с иными лицами, справлять религиозные культы, обряды, вести жизнедеятельность с ними в соответствии.

Очевидно, что правовое признание, закрепление и защита свободы совести и вероисповедания личности – залог и необходимость нормальной жизнедеятельности и функционирования не только неправовых социальных регуляторов, но так же и всей системы социальных норм и регуляций, которые включают в себя право.

Следует признать, что церковно-государственные отношения сложны и специфичны, а причина тому – парадокс свободы. В наше время практически нереализуема политика «симфонии» государства и церкви, где государство не должно превращать себя в церковь и строить Царство Божие на земле, оно призвано лишь создавать условия людям для их достойного существования.

Итак, закон как бы имеет нижнюю границу, переступание через которую (пренебрежение законом) приводит к тяжелым последствиям - к анархии. Но закон имеет и свою верхнюю границу (потолок): он не может все предусмотреть, да и не вправе (насколько применима здесь подобная формулировка). Именно в этой сфере и возможна поддержка права неюридическими регуляторами. Так, выбор поведения, соответствующий евангельским заповедям человек не может возвести это в общеобязательное для всех правило. Закон, в понимании В.С. Соловьева, находит свое предназначение не в том, чтобы превратить земной мир в Царствие Божие, но в том, чтобы он не обернулся адом до назначенного часа.

Наиболее значимые общественные отношения регулируются нормами права, а потому, возможность достигнуть социально-значимые цели находится в прямой зависимости от согласованности в установлениях и с другими нормами, включая христианские.

И религиозные и правовые регуляторы необходимы обществу ввиду разнообразия социальных интересов и выстроенных связей. Юридический же подход к проблеме соотношения и взаимодействия права с другими видами

социальных норм, в том числе и религиозными, обеспечивает определенную системную взаимосогласованность и единство этих различных социальных регуляторов. Именно правовой принцип согласования их совместного бытия и действия способен придать этому разнообразию социальных норм (и регуляторов) определенное системное единство.

Но при всем глубоком взаимодействии религии и права, необходимо понимать, не смотря на схожие сферы влияния, эти системы самостоятельны, и суверенны и имеют веские отличия. Обе они представляют собой две уникальные области, выполняющие ценностно-регулятивную функцию, которые занимают суверенные ниши в общественной жизни, и основными принципами которых должны стать взаимоуважение и взаимодополнительность.

Заключение

Христианство является важнейшей частью культуры славян, а так же одной из составляющих национально-государственных детерминантов.

Христианство, как любая религия, устанавливает свою систему ценностей и необходимо предъявляет определенные требования к поведению человека сообразно с особенностями вероучения. Таким образом, регулятивное воздействие религии имеет под собой нормативную основу. С этой точки зрения христианство являет собой специфическую ценностно-нормативную систему. Религиозные нормы представляют самостоятельный вид социальных норм.

Нужно отметить, что именно благодаря определяющей роли православия, российское государство обрело свое величие. Национально-государственное возрождение России немыслимо без возрождения ее духовной основы - православной веры.

Религия все еще остается одним из самых важных факторов, который предопределял социально-политическое развитие как общества, так и отдельного человека.

В результате кардинальных перемен, которые произошли в российском обществе в течении последних десятилетий, изменивших в последствии религиозную обстановку, новое поколение, вступающее в жизнь, сформированное в атмосфере возрождения религии, становится более религиозным.

Религия, являясь системой социального регулирования, предстает эффективным фактором, который определяет человеческое поведение, и в сфере правовых отношений она представляет интерес для теории государства и права.

Правоведение должно сотрудничать с религиоведческими дисциплинами, моделируя ситуации взаимодействия и возможных противоречий между религиозными и правовыми императивами. Требования и запреты православия включают в себя весь опыт социального взаимодействия, формировавшиеся тысячелетиями, и отражают основные нормы человеческого общения.

Общество, в моменты кризисов, обнаруживает, что нерушимыми остаются неизменные ценности, способные интегрировать социум и дать ему необходимую нравственную опору. Православная религия для России является органичной системой ценностей. А потому именно она является основой, которая обеспечивает культурную легитимацию российской государственности, российского общества. Христианство предстает нравственной опорой права.

Однако не следует преувеличивать возможность религии в деле воспитания людей, представлять ее в качестве универсального средства для решения нравственных проблем. Обособленно от права религия не имеет возможности противодействовать негативным тенденциям, которые исправно подпитываются насущными противоречиями в жизни политики и экономики.

Взаимное сотрудничество и взаимодействие Русской Православной Церкви и государства наилучшим способом обеспечит гармонию в жизни общества, а так же позволит преодолеть социальные и политические кризисы. Исторический опыт открывает необходимую тенденцию усилий, произведенных совместно, со стороны церкви и государства в установлении справедливости. Но в той же мере недопустимо представить построение эффективно действующего механизма правовой регуляции, не учитывая реалий религиозной жизни. Поэтому современный мир должен стать миром диалога права и религии.

Библиография

Законы и др. нормативные документы

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. Федеральный Закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (РЕД. ОТ 06.07.2016) "О свободе совести и о религиозных объединениях ".

Диссертации и авторефераты

3. Касторская Е.В. Криминологическая характеристика деятельности христианских объединений в России: автореферат дис. ... кандидата юридических наук / Е.В. Касторская – Санкт-Петербург, 1999. - 21 с.

Литература

4. Бенешевич В.И. Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно Русской церкви до эпохи Петра Великого. / В.И. Бенешевич. – Петроград, 1915. – 398 с.
5. Бердников И.С. Краткий курс церковного права православной Церкви. / И.С. Бердников. – СПб., 1914. – 295 с.
6. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии / Гарольд Дж. Берман; пер. с англ. М. Тименчикова и Д. Шабельникова. - Москва: Московская шк. политических исслед., 2008. - 463 с.
7. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. / А.Б. Венгеров. – М.: Юриспруденция, 2000. – .528 с.
8. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. / М.Ф. Владимирский-Буданов – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. — 800 с.

9. Гараджа В.И. Социология религии: Учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. / В.И. Гараджа.- 3-е изд., перераб. и доп. - м.: инфра-м, 2005. - 348 с.
10. Гордиенко Н.С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов: Полемические заметки. / Н.С. Гордиенко. – Лен.: Лениздат, 1986. – 288 с.
11. Заозерский. Н. Право православной грековосточной русской церкви как предмет специальной юридической науки / Н. Заозерский. - М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1888. - 146 с.
12. Ильин И. А. Осущности правосознания. / Подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. — М.: «Рарогъ», 1993. — 235 с.
13. Ильичев М.В. Русская Православная Церковь и право: Комментарий /Авт. кол. : А.И. Масляев, В. Цыпин, В.Э. Гефенидер и др. ; Отв . ред. М.В. Ильичев. -М. :Бек,1999. -464 с.
14. Исаев И.А. История государства и права России / И.А. Исаев – М.:Юристъ, 1996. - 544 с.
15. Карташев А.В. «Очерки по истории русской церкви». М., 1991г.
16. Клочков В.В. Религия, государство и право. / В.В. Клочков. – М., Мысль.,1978. – 287 с.
17. Лупарев, Г. П. Правосознание верующих и его особенности / Г. П. Лупарев. - Алма-Ата: Казахстан, 1989. – 207 с.
18. Макс Вебер. Избранное: Образ общества. / Макс Вебер. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
19. Манов Г.Н. Теория права и государства. / Под ред.: Г.Н. Манов. – М.: БЕК, 1996. – 284 с.
20. Никонов В.А. Библия и уголовный закон. / В.А. Никонов. – Тюмень, Тюмен. высш. шк. МВД РФ, 1995. – 44 с.
21. Омельченко О.А. Римское право. / О.А. Омельченко. –М.: ТОН, 2000. – 208 с.

22. Остроумов М. Очерк православного церковного права. / М. Остроумов. – Харьков.: тип. Губ. правления, 1893. – 672 с.
23. Павлов А.С. 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. / А.С. Павлов. –М., 1887. – 462 с.
24. Павлов, А.С. Курс церковного права / [Соч.] А.С. Павлова. - Посмерт. изд. ред. "Богословского вестника", выполн. под наблюдением доц. Моск. духов. акад. И.М. Громогласова. - [Сергиев Посад] : тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1902. - 539 с.
25. Религия и закон. Сборник правовых актов с комментариями / Сост. и автор комментариев Протопопов А.О. — М. : Паллада, 1996. — 128 с.
26. Суворов Н.С. Учебник церковного права / Суворов Н. - 5-е изд. - М.: А.А. Карцев, 1913. - 535 с.
27. Цыпин В.А. «Каноническое право». / В.А. Цыпин. – М.: Изд-во Сретенского монастыря , 2009. – 864 с.
28. Экземплярский В.И. Евангелие и общественная жизнь. / В.И. Экземплярский. – Киев, 1913. – 67 с.
29. о.Вениамин Новик. «Православие. Христианство. Демократия». / СПб.: Алетейя, 1999. – 368 с.

Описание отдельного тома из многотомника

30. Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. / В.О. Ключевский. – М., 1993, – 119 с.
31. Российское законодательство X - XX веков: Законодательство Древней Руси. В 9-ти томах. Т. 1 / Отв. ред.: Янин В.Л.; Под общ. ред.: Чистяков О.И. - М.: Юрид. лит., 1984. - 432 с.
32. «Памятники русского права» Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / Сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. – 287 с.

Статья из журналов, газет или сборников

33. Бондаренко, Ю. В. Ценностное измерение права и христианства в вопросах социального регулирования /Ю. В Бондаренко. Бизнес в законе. -2009. - № 4. - С. 28 - 31
34. Духовное возрождение. Правопорядок. Молодежь. Рождественские чтения / Редкол.: Анисимков В.М., Воронцов В.И., Доронин М.С., Майдыков А.Ф., Решетников Е., Сухов А.И. - М.: Изд-во Акад. управления МВД России, 1998. - 255 с.
35. Загорский Г. Христианские идеи в российском судопроизводстве. / Г. Загорский. – Российская юстиция. -2001. - № 5. - с. 49 - 51.
36. Костылева Т. А. Право и религия как регуляторы социальных отношений // Онтология и аксиология права: тезисы докладов и сообщений Второй международной конференции (октябрь 2005 г.). Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2005. С. 186-188.
37. Морозова Л.А. Государство и церковь: особенности взаимоотношений. / Л.А. Морозова. - М.: Государство и право, 1995. – 86-95 с.
38. Пономарева В.П. Феномен религии в контексте отечественного права /В.П Пономарева. – Сборник межвузовских трудов. Брянск, 1996. – 127-140 с.
39. Фастов А.Г. Право и религия в системе нормативного регулирования Сборник научных трудов. – Волгоград: ВА МВД России, 2008. – Вып. 5. – 227-237 с.
40. Цыпин В.А. «Взаимоотношения Церкви и государства. Канонические принципы и историческая действительность». / В.А. Цыпин. – М.: Исторический вестн., 2000. – №9-10.

Электронный ресурс

41. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс] / под общ. ред. Л.В. Лазарева. – Сайт Конституции Российской

Федерации, 2009. - Режим доступа: http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5366634.